

Нарушение социального функционирования психически больного: интерпретация с позиций феноменологии и витгенштейнианской теории социального действия

Психическое расстройство может быть концептуализировано не только как органическое повреждение или аномальное психологическое состояние, но и как нарушение социального функционирования человека. Социологические теории предлагают различные модели, объясняющие, за счет чего психически больной человек ненормален в социальном смысле. Например, с позиции социально-ролевого подхода «болезни — это девиантные социальные роли, вызванные теми же силами, что и „нормальные” роли»¹. Согласно подобному пониманию, общество устроено таким образом, что в нем с необходимостью присутствует шкала распределений, на которой представлены как нормальные, так и отклоняющиеся роли. Сложности, возникающие у психически больного человека при участии в социальных взаимодействиях, определяются тем, что он приобретает девиантный ярлык² и действует в соответствии с этой ролью. При таком подходе описания проблем, возникающих у психически больного человека в социальных взаимодействиях, не будут принципиально отличаться от проблем, с которыми будут сталкиваться представители иных ненормальных ролей.

Другое понимание связывает социальную дисфункцию психически больного с наблюдаемыми неуместными формами поведения. В частности, Е. Гофман указывает, что «неуместное в данной ситуации» поведение выступает в качестве «явного знака психического расстройства»³, и соответственно больной — это нарушитель, действующий против принятых в социальной группе правил. Однако эта позиция сталкивается с той же проблемой,

¹ *Townsend J. M.* Cultural Conceptions and Mental Illness. A Comparison of Germany and America. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1978. P. 11.

² *Scheff T. Z.* Being Mentally Ill: A Sociological Theory. N. Y.: Aldine De Gruyter, 1999. P. 73

³ *Goffman E.* Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. N. Y.: The Free Press, 1963. P. 3.

что и социально-ролевой подход: многие случаи «ситуативной неуместности, несомненно, не связаны с психическими расстройствами»⁴: неприемлемое поведение могут демонстрировать люди другой культуры, заносчивые или экстравагантные личности и т. д. Таким образом, поведение, идущее вразрез с общепринятыми правилами, может пониматься как признак патологии, но такое понимание также не будет давать представление о специфике социальных нарушений, происходящих в случае психического расстройства.

В данном тексте мы рассмотрим нарушения социального функционирования при психическом расстройстве не как проявление девиации (будь то девиантная роль или девиантное поведение), а как отсутствие способности спонтанно участвовать в социальной жизни, имплицитно следуя правилам и установкам, разделяемым другими людьми. Подобная постановка вопроса была явным образом сформулирована в рамках феноменологического исследования диссоциальности при шизофрении. Наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть, насколько применяемые феноменологами методы подходят для решения этого вопроса, и как эта проблема может быть переосмыслена в рамках другого теоретического языка. <...>

Витгенштейнианская модель:

сумасшествие как существование за пределами формы жизни

Витгенштейнианская модель социального действия представляется продуктивной для этих целей, поскольку в ее языке можно выразить идею практического знания и разделяемых аксиом повседневной жизни, отсутствие которых в феноменологической концепции диссоциальности было ключевым фактором нарушения социального функционирования при психической болезни. Витгенштейнианская концепция направлена на осмысленные человеческие действия, осмысленность которых определяется через «правилосообразность»⁵. Действие, согласно этой концепции, может быть осмысленным, когда оно управляется правилами. Однако следование правилу невозможно в качестве разового акта отдельного человека: «принципы, наставления, определения, формулы — все получают свой смысл из контекста челове-

⁴ *Goffman E.* Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N. Y.: Pantheon Books, 1982. P. 141.

⁵ *Hutchinson P., Read R, Sharrock W.* There is No Such Thing as a Social Science: In Defence of Peter Winch. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2008. P. 6.

ской социальной деятельности, к которой они применяются»⁶. В чем же состоит этот контекст? В этой модели общее согласие, способное придавать осмысленность человеческим действиям, реализуется благодаря тому, что люди принадлежат к той или иной форме жизни. Форма жизни — это «способ жизни, метод, манера, стиль или образ жизни»⁷, который разделяется некоторой группой людей и определяет их действия.

Соответственно, в нормальных условиях социальные действия выполняются как действия согласно правилам, предполагаемым данной формой жизни и разделяемым другими людьми, принадлежащими ей. Вопрос заключается в том, как могут быть концептуализированы в рамках данной модели действия, не отвечающие такому определению, и насколько это может быть применимо к примерам нарушения социального функционирования при психической патологии. Для этого следует рассмотреть, как возможны в данной модели нарушения и критика существующих правил. Основой для возможного различия критических действий, осуществляемых по правилам и принадлежащих той или иной форме жизни, и действий, которые в принципе находятся за границами формы жизни, становится рассмотрение ситуации сомнения. Возможность осмысленно критиковать и подвергать сомнению отдельные положения, присущие данной форме жизни и форму жизни в целом, — это неоднозначное место в концепции Витгенштейна, которое выступало предметом различных дискуссий. Для нас этот вопрос значим по той причине, что в ходе его прояснения можно разграничить те случаи критики и сомнения, которые остаются в рамках социального поведения, и те, которые выходят за пределы осмысленной социальной деятельности.

Многие интерпретаторы Витгенштейна высказывали мысль, что различные положения, присущие той или иной форме жизни, в принципе не могут подвергаться сомнению. На этот аспект указывает, в частности, Л. М. Хинман, утверждая, что, согласно традиционной интерпретации, формы жизни автономны, обладают собственными закономерностями и потому не могут подвергаться критике. Дело в том, что сама форма жизни является неким основанием, в соответствии с которым мы выносим суждения об истинности и ошибочности тех или иных положений. Хинман заключает, что «нет эпистемического основания, более фундаментального,

⁶ Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 42.

⁷ Hunter J. M. «Forms of Life» in Wittgenstein's Philosophical Investigations // American Philosophical Quarterly. 1968. Vol. 5. No 4. P. 234.

чем форма жизни, которое дало бы нам точку, с которой можно высказывать подобное (о неправильности формы жизни. — С. Б.) суждение»⁸. Действительно, форма жизни не может быть опровергнута, например, частным суждением об опыте, поскольку то, как формируется это суждение, и тот факт, что оно вообще может быть высказано, определяется самой формой жизни. Более того, это означает, что невозможна некая «мета-форма жизни», то есть некоторый более глобальный взгляд, позволяющий оценить различные формы жизни и выносить суждения о них.

Однако против подобной трактовки можно привести различные аргументы. Прежде всего, тот факт, что мы не можем оценивать различные формы жизни с метапозиции, не означает, что критика формы жизни принципиально невозможна. Действительно, в концепции Витгенштейна нет некой объективной позиции, однако позиция внутри каждой формы жизни позволяет высказывать суждения относительно других форм жизни. Согласно У. Шэрроку и Р. Андерсону, человек может, принадлежа одной форме жизни, углублять свое понимание другой (например, изучая иностранный язык), но при этом, усваивая информацию о ней, приобретает негативное, и в том числе критическое, отношение к ней. Как замечают Шэррок и Андерсон, более глубокое понимание фашизма не делает его более привлекательным для нас. Помимо этого можно отметить, что, несмотря на то, что форма жизни выступает основанием и ориентиром для вынесения суждений, человек может задавать вопросы касательно отдельных утверждений. «Можно оспаривать правильность вычисления (скажем, сумму длинного ряда чисел). Но такие споры редки и кратковременны. Они могут быть решены, как мы говорим, „достоверно”»⁹. Это означает, что отдельное математическое предложение может стать предметом критики, хотя математическая достоверность в целом, как набор правил (и в том числе правил проверки правильности подсчета) при этом не подвергается сомнению.

Таким образом, если согласиться с этими аргументами, ситуация с возможностью подвергать сомнению и критике форму жизни в витгенштейнианской концепции выглядит следующим образом. Отдельные аспекты формы жизни могут быть подвергнуты критике изнутри, а форма жизни в целом может критиковаться извне. Единственное, что представляется невозможным, — это критика

⁸ *Hinman L. M.* Can a Form of Life Be Wrong? // *Philosophy*. 1983. Vol. 58. No. 225. P. 339.

⁹ *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 330.

самой формы жизни тем, кто принадлежит ей. Сомнение в своей собственной форме жизни может стать основанием для проведения границ возможности осмысленного социального действия.

Идея о невозможности такого сомнения раскрывается на основании противопоставления двух категорий предложений. Метафорически Витгенштейн описывает это так: «можно было бы представить себе, что некоторые предложения, имеющие форму эмпирических предложений, затвердели бы и функционировали как каналы для не застывших, текучих эмпирических предложений»¹⁰. «Затвердевшие» предложения — это предложения, которые являются для нас абсолютно достоверными и потому не могут выступать объектом сомнения. Эти суждения формируют картину мира человека, а прочие суждения оцениваются в соответствии с ними. Причем достоверность таких суждений обосновывается не их особой логической формой и не их эмпирической подтверждаемостью, а именно тем, что они лежат в основе нашей формы жизни и были усвоены вместе с ней. Не достоверные суждения обосновывают другие высказывания, а, напротив, тот факт, что эти суждения воспринимаются как лежащие в основании множества практик и высказываний, придает им достоверность: незыблемое является таковым не потому, что оно очевидно или ясно само по себе, но поскольку надежно поддерживается тем, что его окружает»¹¹.

Невозможно представить легитимный в рамках данной концепции механизм сомнения в подобных утверждениях («Я человек», «Меня зовут Людвиг Витгенштейн», «Земля существовала до моего рождения» и т. д.), поскольку такое сомнение привело к подрыву формы жизни в целом: «попробуй я усомниться в том, что Земля существовала задолго до моего рождения, мне пришлось бы усомниться во всем, что для меня несомненно»¹². «Достоверные суждения независимы от подтверждения, что означает — независимы от языковой игры подтверждения»¹³, а значит, и от языковой игры, предполагающей сомнение. Таким образом, сомнение в подобного рода фундаментальных пропозициях¹⁴ невозможно именно потому, что является не со-

¹⁰ *Витгенштейн Л.* О достоверности // Людвиг Витгенштейн. Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 149.

¹¹ Там же. С. 157.

¹² Там же. С. 170.

¹³ *Wolgast E.* Whether Certainty Is a Form of Life // *The Philosophical Quarterly.* 1987. Vol. 37. No. 147. P. 153.

¹⁴ Витгенштейн не дает специального названия предложениям, в которых мы не можем осмысленно сомневаться. Термин «фундаментальные пропозици-

мнением в отдельном суждении, а радикальным скептицизмом в отношении целостной формы жизни. Поэтому можно уточнить первоначальный тезис: человек, принадлежащий определенной форме жизни, не может усомниться в суждении, которое выступает для нее в качестве такой фундаментальной пропозиции.

Следует разобраться, является ли случай такого сомнения подходящей моделью для описания расстройства здравого смысла, которое происходит при некоторых психических расстройствах. Витгенштейн, описывая ситуацию невозможного сомнения, говорит о фигуре душевнобольного. Нужно понимать, что он не обращается к реальным примерам из психиатрической практики и не стремится связать такое поведение с медицинским диагнозом. В рамках данной концепции сумасшедший — это концептуальный персонаж, введение которого позволяет продемонстрировать различие между сомнением нормального и ненормального человека. Нормальные люди совершают ошибки в выполнении отдельных правилосообразных действий, но они не могут ошибиться или даже сомневаться в достоверных вещах: «Если бы мой друг однажды вообразил, будто он долго жил там-то и т. д., то я назвал бы это не *ошибкой*, а, скорее, душевным расстройством, может быть временным»¹⁵. Витгенштейн обращается к фигуре безумца, демонстрируя по контрасту невозможность радикального сомнения для нормального, разумного человека: «Предположи кто-либо, будто все наши вычисления ненадежны и ни на одно из них нам нельзя положиться (на том основании, что повсюду возможна ошибка), мы, пожалуй, объявили бы его сумасшедшим»¹⁶.

Как в таком случае может быть истолковано такое концептуальное сумасшествие? Можно было бы предположить, что подобное безумие — это всего лишь другая форма жизни, которая обладает своим набором достоверных суждений, и различие между нормальным и ненормальным человеком примерно такое же, как между представителями разных культур. Однако это было бы неверно, поскольку сумасшедший совершает ошибку (или сомневается) в том, что является основой *его* картины мира, совершаемых *им* действий. Таким образом, безумец — это человек, сомневающийся в том, что составляет основу того,

ции» (fundamental propositions) используется некоторыми интерпретаторами как синоним выражений достоверные предложения, высказывания, в которых мы не можем сомневаться.

¹⁵ Витгенштейн Л. О достоверности // Людвиг Витгенштейн. Культура и ценность. О достоверности. С. 144.

¹⁶ Там же. С. 167.

как он живет. Вероятнее всего, безумие в этой концепции стоит понимать в качестве парадоксальной и невозможной ситуации самопротиворечивой формы жизни, которая вследствие подрыва своих оснований перестает быть формой жизни в полном смысле слова. Соответственно, производимые сумасшедшим действия принципиально отличаются от действий нормального человека: это действия, не отсылающие к совместно разделяемому способу жизни и принятым в нем правилам.

Насколько будет продуктивна такая концептуализация в деле осмысления психической болезни и происходящего разрушения социальности? Прежде всего, стоит учитывать, что концептуализация Витгенштейна не основывалась на действительных случаях психопатологии, и потому вопрос применимости к ним его идей требует дополнительного прояснения. Возможность описывать случаи действительных психических расстройств в терминологии нарушения базовых пропозиций поднимается в исследовании Дж. Кэмпбелла, посвященном анализу бредовых высказываний. В этом исследовании рассматриваются случаи больных, страдающих синдромом Капгра и Котара. Автор предполагает, что некоторые суждения больных людей не обладают статусом эмпирических высказываний. В частности, это относится к высказываниям типа «я мертв» или «мой родственник не настоящий». Такие пропозиции не являются ошибочными суждениями, произведенными вследствие нарушенного восприятия, как это могло бы быть, например, в случае зрительной галлюцинации. Напротив, изменяются не отдельные эмпирические суждения о реальности, а установки, в соответствии с которыми они оцениваются: человек подвергает сомнению базовую пропозицию, лежащую в основе его жизни («женщина, с которой я живу, — это моя жена», «я существую»), и это разрушает значение произносимых предложений и исключает возможность их осмысленной оценки.

Это исследование не предлагает дальнейшего развития темы, но предоставляет примеры, демонстрирующие, как действительные психопатологические кейсы могут быть проинтерпретированы в терминах сомнения в базовых пропозициях.

Возможность переосмысления установок феноменологического подхода

Итак, может ли эта модель претендовать на то, чтобы описывать требуемое нарушение спонтанного и интуитивного участия в социальной жизни? Действительно, в этой схеме демонстри-

руется, что при разрыве с формой жизни у человека пропадает способность осмысленно участвовать в социальных взаимодействиях: действия основываются на «согласии не мнений, а формы жизни»¹⁷, и при отсутствии согласия с той или иной формой жизни (о чем свидетельствует сомнение в базовых пропозициях) никакое действие человека не может быть встроено в общую структуру социальных взаимоотношений. Поэтому концептуализация сумасшествия, которую можно создать, основываясь на витгенштейнианской модели, продуктивна в том смысле, что она позволяет однозначно прописать, в чем проявляется разрыв психически больного человека с общей социальностью. Сомнение в базовых пропозициях влечет за собой действия (или высказывания), которые не принадлежат совместно разделяемой форме жизни. В этом смысле нарушается согласие, которое позволяет производить осмысленные верные суждения либо ошибаться. В строгом смысле действия человека, не принадлежащего той или иной форме жизни, не могут быть осмысленно оценены. Концептуализация отдельных психических расстройств в качестве разрушения разделяемой с другими формы жизни, сопряженного с сомнением в базовых пропозициях, позволяет, в отличие от феноменологической концепции дис-социальности, описать разрыв с общими практиками, который не сводится к субъективным ощущениям.

Кроме того, при такой концептуализации решается вопрос о разграничении действий психически больного и других форм девиантного поведения. Рассмотренное выше различие между критикой отдельных положений формы жизни или критикой формы жизни, которой человек не принадлежит, и сомнением в базовых пропозициях собственной формы жизни позволяет зафиксировать эту разницу. Нарушение социального функционирования при психической патологии в данной логике отличается от других форм ненормального поведения тем, что такое глобальное сомнение приводит к производству действий, которые вообще не могут быть названы осмысленными.

Однако витгенштейнианская концепция описывает социальные действия. Действия и высказывания, которые производит человек, существующий за рамками формы жизни, — это то, что может быть определено исключительно негативно. Действия психически больного находятся за пределами формы жизни, не являются в полной мере осмысленными и потому не могут быть описаны на языке самой концепции. Поэтому данная интерпре-

¹⁷ Витгенштейн Л. *Философские исследования*. С. 241.

тация не может предоставить позитивную информацию о способе существования ненормального человека; в этой модели можно выразить нарушение социальности, но невозможно описывать эту нарушенную социальность. Более того, высказывания, которые с позиции феноменологии выступают свидетельством разрыва с социальной жизнью (например, «я потерял суть социальной жизни») в данной логике не могут не только выступать в качестве подобных свидетельств, но и вовсе должны квалифицироваться как бессмысленные. Таким образом, идея интерпретации социальной дисфункции психически больных как кризиса способности неявно разделять установки сообщества и действовать в соответствии с ними, сформулированная в феноменологических исследованиях психопатологии, может проводиться средствами витгенштейнианской теории в некоторых аспектах более эффективно, чем средствами самой феноменологии. Но принятие этой модели необходимо приведет к невозможности интерпретации того опыта, обращение к которому, по сути, выступает в феноменологической традиции основанием для постановки проблемы именно таким образом.

